

Старый синий трехколесный грузовичок Старого Вана с грохотом въехал во двор. Двигатель походил на старого больного быка: с каждым выдохом он изрыгал клубы черного дыма.

Солнце в три-четыре часа пополудни палило так нещадно, что с человека могло сойти заживо семь шкур. Грязь во дворе покрылась сетью трещин — точь-в-точь как та трещина на потолке в главной комнате, словно их вырезали по одному лебелю. Старый Ван соскочил с водительского сиденья: черный, исхудавший, майка насквозь промокла и прилипла к телу, на шею брошено полотенце неопределенного цвета.

— Старый Юй, чего так срочно? Нынешняя цена-то совсем не радует.

Отец протянул ему сигарету. Спичка чиркнула только с третьего раза. Он прикрыл огонек ладонью — хотя ветра не было.

— Мм, у парня дела.

Он не смотрел на меня, его взгляд был прикован к трещине на сушильной площадке, что тянулась с востока на запад.

Четыре тысячи цзиней риса. Каждый мешок отец прошлой осенью лично таскал из поля на коромысле, трижды высушивал на солнце, прежде чем убрать в закрома. Теперь их взваливали на бронзовые спины и вытаскивали мешок за мешком. С каждым вынесенным мешком главная комната становилась всё пуще и пуще. В прошлой жизни я тоже стоял на этом самом месте, думая лишь о том, хватит ли денег на учебу. В этой жизни я вел совсем другой счет: сколько в этом рисе денег на лекарства матери, сколько — на починку протекающей крыши, сколько — той последней капли крови, которую родители смогли из себя выжать. Ответ — всё. Абсолютно всё.

— Пап, я сам потащу.

Отец бросил на меня взгляд. В этом взгляде читалось удивление: в прошлой жизни я никогда не произносил этих слов. Тогда я просто стоял столбом, дожидаясь, пока он со всем разберется, а потом забирал деньги и ехал в школу.

— Тебе не поднять, — сказал он.

Я подошел и взвалил на плечо мешок. Пятьдесят цзиней. Позвоночник издал едва слышный хруст, но выдержал. В прошлой жизни мне доводилось таскать цемент на стройке — по сто цзиней в мешке. Сейчас пятьдесят цзиней — сущий пустяк. Но отец этого не знал; он видел лишь то, как его младший сын, сжав зубы, взваливает мешок риса на трехколесный мотороллер, а лямка мешка оставляет на плече багровый след.

— Ладно, — бросил отец всего одно слово.

Но когда он разворачивался, чтобы толкнуть тележку, его грубые, иссеченные тяжелой крестьянской работой руки мелко дрожали. И вовсе не от напряжения — просто ему еще никогда не приходилось принимать помощь от сына. Уезжая, Старый Ван бросил взгляд то на отца, то на меня:

— Старый Юй, а парень-то твой вырос.

Отец ничего не ответил. Присев на корточки на сушильной площадке, он стал сгребать рассыпавшиеся рисовые зерна по одному в пластиковый пакет. Зерна смешались с грязью и окурками: какие-то были раздавлены колесами, какие-то остались целы. Он собирал их очень долго, пока дно пакета не покрылось тонким слоем, и только тогда поднялся.

— Поехали.

Он занес тот пакет с битым рисом в главную комнату — не выбросил, оставил. Наверное, на корм курам, а может, просто было жалко.

Когда трехколеска с тарахтением выехала со двора, лучи солнца косо хлынули из дверного проема, начертив на пустом полу прямоугольник. Раньше здесь горой лежал рис, и пузатые мешки преграждали путь свету. Теперь ничто не мешало солнцу заливать комнату вплоть до самой дальней стены.

Отец достал из дальней комнаты полиэтиленовый пакет, высыпал на стол пачку купюр и разровнял их. Сто юаней, пятьдесят, двадцать, несколько помятых десятков и пятерок. Деньги долго лежали под прессом, уголки загнулись. Он принялся разглаживать их пальцами — руки такие грубые, что от них по краям купюр оставались бумажные ворсинки, — но гладил очень медленно, словно боясь повредить хрупкую вещь.

— Хватит. Четыре тысячи цзиней, плюс то, что дома оставалось — ровно тютелька в тютельку.

Ровно тютелька в тютельку... В прошлой жизни я думал, что ровно — это значит «как раз хватает на учебу». В этой жизни я знал, что «ровно» означает: ровно продали весь рис, ровно выпотрошили все сбережения, ровно выдавили из себя всё до последней капли крови. Ни капельки лишку.

— Пап, я поступаю.

Я помог ему разгладить те самые загнутые уголки купюр на столе.

Он ничего не ответил, затушил сигарету — на этот раз без спички, просто придавив окривевший огарок пальцами. Затем поднялся, снова уложил разглаженную пачку в пакет и протянул мне. Его пальцы на секунду задержались поверх пакета, словно он пытался передать через эту тонкую пленку что-то такое, чему не находилось слов.

— Иди.

Общежитие Сянцзяна располагалось на третьем этаже. Шестиместное. Когда я толкнул дверь, внутри уже находились трое.

Парень на нижней койке у окна как раз застилал простыню, натягивая ее за четыре угла с такой математической точностью, будто решал геометрическую задачу. Заметив меня, он повернул голову, и стекла его очков блеснули под светом лампы дневного света:

— Новенький? Я Ван Хаожань. Верхняя койка у двери свободна. Нижняя у окна занята — мной.

Он выдал всю информацию на одном дыхании и снова принялся разглаживать простыню — уже в четвертый раз, добиваясь идеальной гладкости без единой складки.

— Юй Цзиму.

— Какой Юй?

— Юй — значит «лишний».

Он кивнул.

С верхней койки напротив внезапно раздался голос:

— Юй — значит «лишний»? Скромная у тебя фамилия.

Парень полулежал, облокотившись на подушку, в ушах торчали наушники, а в руке крутилась ручка.

— Чжоу Вэй. Вэй — в смысле «великий». — Он ухмыльнулся. — А ты... Цзиму: цзи — спасать, му — древесина? Родители нарекли тебя так из-за нехватки дров в хозяйстве?

Я не улыбнулся в ответ, но запомнил его. Чжоу Вэй. Тот самый парень, что в прошлой жизни каждый вечер оставлял на подоконнике в коридоре бутылку колы. Сам он ее не пил — предпочитал минералку. Кола предназначалась мне. Он никогда ничего не говорил, я ни о чем не спрашивал, но он носил ее целый год.

Парень на нижней койке у двери лежал ничком, уткнувшись лицом в подушку, его дыхание было ровным и глубоким.

— Это Ли Чжи, — не поднимая головы бросил Ван Хаожань. — Он спал еще до того, как мы

вошли. Спит уже... — он бросил взгляд на часы, — сорок минут. За всё время лишь раз перевернулся. Похоже, еще жив.

Ли Чжи. Человек, который в прошлой жизни спал больше всех в классе, но на каждом экзамене стабильно входил в первую пятерку. Человек, чья фраза «формула, сначала формула» вытащила меня из математического болота. В этой жизни он продолжал спать, из-под подушки виднелись лишь переносица и брови. Во сне его лицо казалось еще более юным, чем наяву.

После отбоя в общежитии воцарилась тишина. Из наушников Чжоу Вэй доносился глухой ритмичный стук барабанов; луч фонарика Ван Хаожаня скользил по стене с такой же безупречной точностью, с какой он застилал постель. Чжао Чжао и Сунь Пэн тоже вернулись: один умывался, другой уже храпел.

Я лежал на верхней койке, уставившись в потолок. В Сянцзяне потолки были без трещин, ослепительно белые — совсем не такие, как та трещина в старом доме, что тянулась с востока на запад. Но я проспал под той трещиной восемь лет, и теперь, когда ее не стало, мне казалось, будто я чего-то лишился.

— Эй, новенький, — Чжоу Вэй вытащил наушник и ворохнулся в темноте. — Ты сегодня в классе с этим Чжун Цзинем сошелся? Он же первый ученик на параллели, входит в тройку лучших по всей провинции. Он назвал тебя Муму — вы что, близко знакомы?

— Одноклассники.

— Одноклассники? — Фонарик Ван Хаожаня погас, но спать он явно не собирался — голос доносился с соседней койки. — Тогда почему он поступал не в Шэнхэ, а приперся в Сянцзян? С его баллами Шэнхэ освободило бы его от платы за обучение.

Я тоже задавался этим вопросом. В прошлой жизни Чжун Цзинь не приезжал в Сянцзян — он поступил в другое учебное заведение. В этой жизни он объявился здесь, причем намного раньше, чем тогда. Словно поджидал меня.

— Может, в столовой Сянцзяна кормят лучше, чем в Шэнхэ, — предположил Чжоу Вэй сам себе.

— А может... — донесся вдруг глуховатый голос Ли Чжи с нижней койки у двери (лицо по-прежнему было зарыто в подушку), — дело в том, что здесь есть кое-кто, кого он хочет увидеть.

В общежитии повисло двухсекундное молчание.

— Ты же вроде спал?

— Спал. Бред во сне.

Ли Чжи перевернулся на другой бок. Чжоу Вэй выругался шепотом, Ван Хаожань снова щелкнул фонариком, но учить слова не стал — световой луч замер на потолке. Судя по всему, он пытался подсчитать в уме: Чжун Цзинь, Юй Цзиму, первая школа Шэнхэ, Сянцзян — какая невидимая глазу связь объединяет все эти имена.

Я подтянул одеяло повыше, прикрывая нагрудный карман, где лежало экзаменационное удостоверение. Ли Чжи был прав. Только вот тем человеком был вовсе не Муму, а тот Юй Цзиму, что сгинул в съемной квартире в прошлой жизни. Он приехал в Сянцзян потому, что в прошлый раз выбрал не ту школу и из-за этого потерял всё навсегда. В этой жизни он больше не оступится.

Завтра в половине седьмого утра в классе загорится свет. На третьей парте у двери будет сидеть человек в белой рубашке, с карими глазами, а перед ним — раскрытая на седьмой странице книга по высшей математике. Он приходит в класс раньше всех каждое утро — вовсе не из-за чрезмерного усердия, просто ему требуется время, пока никто не видит, чтобы незаметно положить пачку рукописных материалов на последнюю парту.

В прошлой жизни я понятия не имел, кто подкладывал эти конспекты.

В этой я знал: это был тот самый парень, который сегодня перепутал страницы учебника.

Завтра он придет первым. Но я приду еще раньше.

<http://bllate.org/book/19329/1890391>